

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ **ДЕТЕКТИВНЫЕ** ИСТОРИИ

ДЕТЕКТИВ

&

ЛЮБОВЬ

Татьяна **УСТИНОВА**

Анна и Сергей **ЛИТВИНОВЫ**

Евгения **МИХАЙЛОВА**

и другие :-)

**Елена Ивановна Логунова
Дарья Сергеевна Кожевникова
Евгения Михайлова
Анна и Сергей Литвиновы
Марина Крамер
Татьяна Витальевна Устинова
Галина Владимировна Романова
Детектив & Любовь
Серия «Великолепные
детективные истории»**

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63816342

Детектив&Любовь: Эксмо; М.; 2021

ISBN 978-5-04-118368-4

Аннотация

Любви все возрасты покорны, – писал классик и был, конечно же, прав. Но хочется добавить: и все литературные жанры тоже! Не остался в стороне и детектив – любовная составляющая очень украшает и обогащает захватывающую интригу. Именно это и происходит в остросюжетных рассказах Татьяны Устиновой, Анны и Сергея Литвиновых, Евгении

Михайловой и других популярных писателей, вошедших в сборник «Детектив–Любовь».

Содержание

Елена Логунова

6

Конец ознакомительного фрагмента.

29

Коллектив авторов

Детектив&Любовь

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Елена Логунова

Гений мужской красоты

– Это что за красная бурда? – мимоходом заглянув в мою плошку, с подозрением спросил Денис.

Не хотелось признавать, но с определением цвета он не промахнулся – краска, призванная придать моим волосам стойкий цвет «сияющего золотого апельсина», была именно красно-бурой. Меня это беспокоило. Я никогда не видела в природе сияющих золотых апельсинов, но подозревала, что такой неаппетитный колер они могут иметь лишь на стадии глубокого гниения. Очень хотелось надеяться, что мои волосы после окрашивания будут выглядеть как-то иначе, однако переживать по этому поводу было уже поздно: я успела намазать красной бурдой половину головы.

– Пока, Инночка! Увидимся вечером! – Пошевелив носом, любимый раздумал одаривать меня прощальным поцелуем и поспешно открыл дверь.

Я не стала заранее терзать себя вопросом, узнает ли он меня, когда увидит в следующий раз, и ответила коротко:

– До свидания!

– Здра-авствуйте! – словно в насмешку, в один голос пропели мужчина и женщина, притаившиеся за дверью на лестничной площадке.

– Инночка, к тебе пришли! – даже не притормозив, крикнул Денис, по пути к лифту успевший заметить в руках незваных гостей журналы и книжки.

Точно, периодическая печать во всех ее проявлениях – это по моей части. В нашем рекламном агентстве я отвечаю как раз за работу со СМИ. Однако по субботам я не работаю!

– Что вам нужно? – неприязненно спросила я парочку с журналами.

– Мы пришли поведать вам о том, какой мэр угоден господе нашему! – елеиным голосом сказала невзрачная, как застиранный мешок, тетка в убогом наряде смиренной странницы по святым местам.

Это было весьма неожиданное заявление. Не скажу, что я совсем уж не думала о господе нашем и о нашем же мэре, однако я никогда не объединяла их в комплект.

– Оригинальный ход предвыборной кампании! – заметила я, покачав наполовину покрашенной головой.

Тут капля красной бурды звучно ляпнулась на линолеум, и я вспомнила, что нахожусь в процессе, который не стоит прерывать даже ради душеспасительной беседы. Надо было продолжать золотить и апельсинить свой волосяной покров.

– Извините, мне некогда! – сказала я и решительно закрыла дверь.

– Нехристи! – негодуяще выкрикнула невзрачная тетка, миг утратив кротость и благостное смирение.

– Барклай, голос! – позвала я.

Бассет, дрыхнувший в теплом углу под батареей, поднял башку и с готовностью разразился оглушительным басовитым лаем. За дверью слышались испуганные возгласы, drobный топот, шлепки и шорохи разлетевшихся печатных изданий.

– Спасибо, милый! – с признательностью сказала я собаке. – С меня мороженое!

Барклай обожает мороженое, и непременно двадцатипроцентной жирности. За пломбир в вафельном стаканчике он спляшет на брюхе, а за шоколадное эскимо еще и споет.

– М-м-м, м-м-м! – просительно заскулил бассет, тщетно пытаясь выговорить сладкое слово «мороженое».

– Через час, ладно? – попросила я, взглянув на часы, чтобы заметить время начала фиксации краски.

Барклай, добрая собачья душа, терпеливо дождался, пока я закончу с парикмахерскими процедурами, и в начале десятого мы вышли на прогулку. Пес с ускорением рванул по своим собачьим делам на пустырь, и на этот раз уже я без возражений уступила ему. Очень хотелось посмотреть, как развивается дуэль кандидатов в наши мэры.

Длинный глухой забор, огораживающий вырытый на пустыре котлован, с началом предвыборной кампании превратился в эффектную выставку черных пиар-технологий. Началось все вполне традиционно: в ночь с воскресенья на понедельник группа поддержки кандидата В.В. Голикова заклеила забор красочными плакатами с изображением своего

кумира и надписью: «Уважаешь себя? Голосуй за Голикова!» На следующий день голиковские портреты оказались залепленными афишами с парадным фото кандидата А. С. Казанского. Еще днем позже на облагороженных профессиональной ретушью ликах Альберта Семеновича Казанского появились гитлеровские чубчики и усики. После этого противники Казанского стали называть его не Альбертом, а Адольфом Семеновичем. В среду ночью все плакатные наслоения были соскоблены, и вплоть до пятницы стена сияла девственной чистотой. Избиратели заинтересованно ожидали продолжения и дождались: в пятницу утром с забора им улыбнулся Василий Витальевич Голиков в новом для себя образе маргинального забуддыги. В руке, заскорузлые цыпки на которой были нарисованы с рембрандтовским мастерством, господин Голиков держал щербатую рюмку, подчеркнутую издевательски переиначенным слоганом: «Ты м-меня ув-важаешь?» Это был серьезный удар по репутации Василия Витальевича, и его команда затруднилась с ходу отразить нападение. Ночью стена снова очистилась, и в позиционном бою кандидатов наступило затишье.

Зато зашумел мой мобильник.

– Ты где? – напористо спросила Трошкина.

– Мы гуляем, – расслабленно ответила я, нюхая цветочек.

– До сих пор?! – праведница-подружка искренне возмутилась. – Десятый час утра, а ты до сих пор в загуле?! Опять застряла в ночном клубе?! И с кем на этот раз?

– С кобелем, – хихикая, ответила я. – Успокойся, мать-настоятельница, я не в ночном клубе, я на утреннем пустыре гуляю, с собакой. А ты почему такая взвинченная, случилось чего?

– Случилось, – Алка вздохнула. – С пустыря беги прямо ко мне, есть разговор.

Я поняла, что разговор будет неприятный, поэтому по пути к Алке забежала в булочную за свежими кексиками – они неплохо помогают при душевных расстройствах.

– Это ты? – подружка недоверчиво прищурилась на мой золотой апельсиновый скаल्प. – Если бы не Барклай, я бы тебя не узнала!

С кексиками я не промахнулась, только нужно было взять их побольше: у Трошкиной уже сидела одна гостья. Прилично одетая пожилая дама, вопреки общей ухоженности организма, имела такое кислое выражение лица, что я подумала: Неприятный Разговор – это ее второе имя. Первое мне сообщила Алка:

– Это Маргарита Андреевна, любимая тетя Руперта.

Я кивнула и приветливо улыбнулась. Роберт Руперт по кличке Крошка Ру – один из бывших Алкиных бойфрендов, добродушный гигант, помешанный на компьютерных играх. А его тетя, как вскоре выяснилось, фанатеет от телевизора и обожает интерактивные ток-шоу с письмами в редакцию и звонками в студию. Она пристрастилась к ним после смерти мужа, когда осталась в трехкомнатной квартире тет-а-

тет с попугайчиком и ощутила удушающую нехватку простого человеческого общения. Из его телевизионных заменителей Маргарите Андреевне особенно понравилась программа «Суровая правда» с Максимом Смеловским, однако именно эта любовь разбила ей сердце.

– Вы не представляете, Инночка, какой кошмар со мной приключился! – нервно кроша пухлыми пальчиками в искристых кольцах ни в чем не повинный кексик, заохала милая дама, когда Трошкина дала ей слово. – Вчера утром я поехала в центр, чтобы присмотреть себе новые ботильоны... Вы же знаете, что сейчас повсюду распродажи? Так вот, шла я по Зеленой, разглядывала витрины, и вдруг меня словно током ударило!

– Ботильоны увидели? – с пониманием спросила я.

– Да какие ботильоны! – Маргарита Андреевна в сердцах шмякнула на пол половину кекса, которую тут же подобрал санитар поля Барклай. – Я увидела Его! Самого Максима Смеловского!

Я усмехнулась, отнюдь не разделяя восторга милой дамы. Макс Смеловский – мой бывший однокурсник и вечный поклонник. Он удивительным образом сочетает в себе потрясающую креативность с поразительным занудством и потому не относится к числу субъектов, которыми лично я могу любоваться долго и с наслаждением. Но Маргарита Андреевна рассказала о Максе совершенно невероятную историю!

По ее словам, импозантный и безусловно узнаваемый

Смеловский возник перед ней на оживленной улице, как гений чистой мужской красоты и отнюдь не мимолетное виденье. Знаменитый ведущий сам остановил Маргариту Андреевну, сердечно ее поприветствовал и пригласил принять участие в уникальной рекламной акции телеканала. Маргарита Андреевна согласилась и охотно приняла из рук своего кумира несколько красивых фирменных коробок. В них, по словам Великолепного Макса, находились маникюрный набор, инкрустированный янтарем, прибор для ионизации воздуха, мельхиоровая давилка для лимона и эксклюзивный набор прессованных полотенец для СПА-процедур. В обмен на все это замечательное разнообразное добро Смеловский предложил Маргарите Андреевне разместить на телеканале небольшую рекламку – например, поздравительное объявление для приятного ей человека. Сумма, по меркам зажиточной старушки, была названа вполне приемлемая – всего полторы тысячи рублей, и Маргарита Андреевна долго не колебалась. Денежки у нее при себе были, и Макс без промедления получил полторы тысячи. Правда, покупку ботильонов пришлось отложить, но возрастную фанатку Великолепного Макса это не огорчило.

Огорчилась она позже, уже дома, выяснив, что среди подарков от щедрой телезвезды нет никаких наборов, кроме вороха старых газет, а единственным прибором, помещающимся в самой большой и самой тяжелой коробке, оказался силикатный кирпич.

– Короче, Маргариту Андреевну бессовестно обманули! – подытожила Трошкина и посмотрела на меня так строго, словно это я впарила простодушной бабушке рекламу с кирпично-бумажным бонусом.

– Это не Макс! – возразила я, спешно вынимая мобильник, чтобы вызвать Смеловского. – Я его знаю, он не мог!

– Это был Максим Смеловский, уверяю вас, я не могла ошибиться! Его лицо, его голос, его манеры – это был он! – облапошенная бабушка запоздало проявила твердость характера.

– Да, любовь моя, слушаю тебя! – бархатным голосом, который и впрямь трудно было не узнать, замурчала трубка.

– Привет, Макс! – Я не растрогалась и заговорила жестко: – Живо признавайся, где ты был вчера утром?

– В десятом часу! – подсказала Трошкина, сложив руки у рта рупором.

– Вчера утром я был в студии, а что? – мурлыканье Смеловского сделалось настороженным.

– А то, что тут одна ба... большая твоя поклонница утверждает, что вчера в десять утра ты мошеннически пиарил родной телеканал на центральной улице нашего города!

– Мошеннически? Это как? – чувствовалось, что Макс заинтересовался.

Я вкратце пересказала ему суть аферы, жертвой которой пала доверчивая Маргарита Андреевна, и Смеловский непочтительно заржал:

– Шикарная история! Можно, я приглашу эту почтенную простушку на съемку очередной программы «Суровая правда»? Она на личном примере призовет телезрителей к бдительности и осторожности.

– Макс, мы тут не шутим! – я заговорила строже. – Маргарита Андреевна к тебе в большой претензии! Ты разрушил ее святую веру в благородство прекрасного телевизионного принца, да еще взял за это полторы тысячи рублей!

– Ты с ума сошла? – До Макса, видимо, дошло, что я его не разыгрываю, и он рассердился. – Не знаю, что там помешалось твоей чокнутой старухе, но я вчера весь день провел на работе! Как пришел к девяти, так до шести и носу из студии не высунул!

– Это ложь! – услышав его громкий голос в трубке, гневно вскричала Маргарита Андреевна, страшно оскорбленная тем, что ее называли старухой, да еще и чокнутой.

Она смяла в комочек остаток кекса, швырнула его на пол (Барклай проявил проворство и поймал лакомство на лету), встала и засобиравалась «куда надо».

– Макс, Маргарита Андреевна грозитя заявить на тебя в милицию! – предупредила я друга.

– Пусть заявляет! Дура старая! – Смеловский окончательно осатанел и вырубил телефон.

У меня было ощущение, что он прав в оценке умственных способностей Алкиной гостыи, но я тактично оставила свои соображения при себе. Дождавшись ухода разгневанной тети

Руперта, я простилась с Трошкиной, отвела Баркляя домой, переделалась и поехала в центр. Болтовня Маргариты Андреевны о распродажах на Зеленой разбередила мне душу.

В двенадцатом часу – я как раз примеряла ботильоны – мне позвонила Клавдия Рыжикова, ассистент режиссера Дудкина, с которым работает и одновременно враждует Максим Смеловский.

– Здравствуйте, Индия! – церемонно молвила Клава. – Простите мне нескромный вопрос, но вы случайно не знаете, куда запропастился Максим Леонидович?

Похоже, Клава надеялась на нескромный ответ: «Ах, конечно, знаю, тут он, рядом со мной посапывает!» – но я вынуждена была ее разочаровать.

– Понятия не имею! А почему вы меня спрашиваете?

– А кого же еще? – искренне удивилась Клава. – Всем известно, что Максим Леонидович в вас влюблен, как мальчик! С кем же он мог загулять, как не с вами?

– Может, с собакой? – досадливо съязвила я. – Где-нибудь на пустыре...

– С собаками, точно! – льстивое сопрано Клавдии неожиданно превратилось в басовитый рык Дудкина. – С собаками я его искать буду, с овчарками! Пущу по следу гончих, и пусть они найдут этого безответственного зазнайку, и застрелят его, и разорвут его в клочья, и развеют по ветру самую память о нем!

– Аминь, – хладнокровно ответила я и выключила трубку.

Бесноватый Дудкин меня не волновал, а вот сообщение о том, что верный рыцарь Смеловский загулял на стороне, разбередило душу. Я никогда не воспринимала ухаживания Макса всерьез, не собиралась за него замуж и даже не планировала переводить наши платонические отношения в горизонтальную плоскость, но... лишаться своего печального Пьеро было жаль. И еще захотелось узнать, на кого это он меня променял.

«Макс, конечно, волен гулять, с кем хочет, но ты должна убедиться, что он попал в хорошие руки», – внутренний голос подсказал достойный аргумент в пользу поисков пропавшего кавалера, и я немедленно приступила к активным действиям.

Злосчастные бутильоны опять остались некупленными! Вернув их на полку, я прошла мимо кассы, на улице остановила такси и поехала на телевидение, где трудится Смеловский. Я там частенько бываю – Макс постоянно приглашает на запись программ, так что вахтерам я примелькалась, и на входе, где вообще-то положено предъявлять документы, меня давно уже никто не останавливает.

Миновав сторожевой пост с бритоголовым индивидуумом, который натужно окаменел над газеткой с кроссвордом, я прошла по длинному коридору и постучалась в дверь монтажной:

- Тук-тук, кто в теремочке живет, можно вломиться?
- Заходи, не бойся! Выходи, не плачь! – веселой скорого-

воркой отозвались изнутри.

Я потянула дверь и заглянула в полутемную каморку. В теремочке сидели перед мониторами монтажеры Коля и Петя. Один экран светился синим, второй – зеленым, и лица у ребят были подсвечены в тон.

– Здравствуйте, Мышка-норушка и Лягушка-квакушка! – сказала я серо-голубому Коле и бледно-зеленому Пете.

– Здравствуй, Зайка-побегайка! – не заржавели с ответом фольклорно-грамотные парни.

– Вы Смеловского не видели? – спросила я.

Мальчики дружно обернулись, укоризненно посмотрели на меня, синхронно вздохнули, и Коля потянулся за блокнотом.

– Так видели или не видели? – не дождавшись ответа, повторила я.

Коля с треском выдрал из блокнота исписанный лист, выбрался из кресла, подвинул меня и прилепил на дверь рукотворное объявление: «Смеловского не видели!!!» Количество восклицательных знаков позволяло предположить, что этот вопрос ребятам задавался неоднократно.

– Вот наш ответ Чемберлену! – сказал Коля, надежно прикрепляя их с Петей ответ английскому лорду липкой лентой.

Тут в коридоре за углом слышались нервные голоса и множественный шум шагов.

– Идут? – встревоженно спросил Петя из монтажки.

– Идут, басурмане! – подтвердил Коля и втолкнул меня

в комнату. – Посиди тут, переждешь татарское нашествие. Наши уже все в укрытиях. Этому народу лишний раз лучше на глаза не попадаться.

– Это кто у вас там? – Я оглянулась на закрытую дверь, за которой как будто и впрямь боевые монгольские кони протопали.

– Это у нас там господин Казанский Адольф... Тьфу, господи, прости! Альберт Семенович с боевыми товарищами по партии, – ответил Петя. – На запись предвыборного выступления пожаловали.

Я спросила, почему почтенный господин, имеющий большую команду верных соратников и желающий распространить владычество на все городское народонаселение, вызывает у студийного народа желание убежать и спрятаться. Коля сказал:

– О! – И приставил ладони к голове, имитируя большие оттопыренные уши.

А Петя сказал:

– У! – И приложил палец к губам. – Тс-с-с-с!

Я вняла предупреждению и сменила тему:

– Ребята, а вчера вы Максима не видели?

– Боже, сколько можно! – Петя вздохнул. – Ну, не видели мы Максима! Ни вчера, ни сегодня! Я вообще его уже неделю не видел – в отпуске был, сегодня первый день вышел.

– Нет, вчера Максим в студии был, – вмешался Коля. – Четко с девяти до шести, как порядочный.

Из дальнейшего повествования выяснилось, что этой четкостью вся Максова порядочность и ограничилась, ибо явился он на работу в состоянии, которое никак не соответствовало устоявшимся требованиям к трудовой дисциплине.

– Голос сиплый, морда опухшая, серая, как у покойника, под глазами мешки, – часто хмыкая, рассказал Коля. – И амбре такое, словно он «Баллантайн» не внутренне принимал, а наружно – в виде утреннего душа!

Я удивленно покрутила головой. Мне, как и всем другим знакомым Смеловского, было известно, что он не употребляет никакого спиртного, кроме виски марки «Баллантайн», но обычно Макс выпивает весьма умеренно.

– Приплелся он, шатаясь, как зомби, точнехонько к девяти, но ничегошеньки за весь день не сделал, – продолжал Коля, откровенно потешаясь. – Завалился на диване в редакторской, укрылся своим любимым немецким пиджаком и продрых до самого вечера.

Глубоко похмельный интеллигент и пижон Смеловский, спящий под вельветовым пиджаком с замшевыми накладками, точно полумертвая лошадь под маломерной попонкой, – это было весьма необычное зрелище, и весь студийный народ не преминул им насладиться. Для репутации Макса это было плохо, а вот для алиби – очень хорошо. Если Маргарита Андреевна заявит в милицию, у Максима будет куча свидетелей, готовых присягнуть, что мошенническую раздачу слонов и подарков на Зеленой производил не он. Хотя я лично

в этом и так не сомневалась – в смысле денежных расчетов Максим Смеловский честнейший человек.

«Извини, дорогая, но ты и в его светлой любви не сомневалась, – справедливо уязвил меня внутренний голос. – А Макс, похоже, пошло кутил с кем-то ночь напролет!»

Настроение у меня испортилось, болтать с ребятами расхотелось. Дождавшись, пока Казанский с его штабс-бандой угнездятся в студии, я выскользнула из телекомпании. И только села в троллейбус, как зазвонил мой мобильный.

– Ин, привет! – затарахтела трубка голосом Дашки Крякиной, бывшей нашей институтской старосты. – Ты не знаешь, как найти Максима Смеловского?

Я подавила рычание, но не смогла скрыть раздражения:

– Ну, тебе-то он на кой черт сдался?! Восемь лет спустя после выпуска!

– То-то и оно, что это касается всего нашего курса! – не дрогнула бронебойная Дашка. – Я всех обзваниваю, только вам с Максом еще не сообщила. Жуткая новость! Ты Витьку Гасовского помнишь?

– Гасовский, Гасовский... – забубнила я. – Нет, не помню! А что?

– А то, что его ночью машина задавила, насмерть! Ты на похороны пойдешь? Я так думаю, мы все должны скинуться на венок. На ленте напишем: «Вите от однокурсников. Мы тебя никогда не забудем!» Правильно?

С учетом того, что лично я однокурсника Витю уже давно

и прочно забыла, идти на похороны не имело особого смысла, но от финансового участия в траурном мероприятии я, конечно, не отказалась. Крякина, как всегда осведомленная лучше всех, запоздало поведала о послеинститутской жизни Гасовского:

– Жил бестолково, выпивал, с женой развелся. По специальности ни дня не работал, вел в какой-то артели инвалидов кружок художественной самодеятельности – ну, ты помнишь, он и в институте больше в КВН играл, чем учился.

Я вспомнила, что какой-то Витька в нашей институтской команде действительно был, но не смогла конкретизировать его смутный образ, в чем напористой Дашке не призналась, пообещав непременно передать печальную весть Максиму, как только он объявится. Едва закончив разговор, я вырубил телефон: вдруг еще кого-нибудь из однокурсников посетит оригинальная мысль попытаться разыскать Макса через меня. А я чувствовала, что просто озверею, если еще хоть раз услышу: «Ты не знаешь, где Максим Смеловский?»

За неработающий телефон я получила нагоняй от Дениса. Мой милый сидел у нас на кухне и в темпе «аллегро модерато» поглощал горячий борщ. Перед ним стояла также тарелка с дымящимся вторым, справа сидел, утвердив подбородки на ладошке и умиленно глядя на едока, мой папуля, а слева громоздились судочки с горячим питанием на вынос. Я поняла, что капитан Кулебякин собирается в ночное, и с досадой спросила:

– У родной милиции опять аврал?

– Угу, – заглывая еду, кивнул Денис. – Казанский потерял жену. Бессонная ночь гарантирована всему личному составу УВД.

– Который Казанский? – заинтересовалась я. – Который у нас на заборе висел?

– А прямо сейчас он висит у нас в телевизоре, – кивнул папуля. – Пойди послушай!

Я прошла в гостиную, где у новой плазмы, прикупленной нашей маменькой-писательницей с очередного гонорара, устроились с обедом мой братец Зяма и бабуля. Они ели кролика в сырном соусе и внимали телевизионному оратору. Бледный, как смерть, и злой, как пытка, мордатый дядька в глубоком трауре клеймил позором родное ведомство капитана Кулебякина и мамой клялся в случае своего прихода к власти полностью искоренить преступность заодно с бездействием ее штатных искоренителей.

– Серьезный мужчина! – обсасывая косточку, одобрительно сказала бабуля. – Вижу, у него харизма!

– Да, харизма у Казанского – будь здоров! – крикнул из кухни обиженный Денис. – В три дня не обгадишь! Вы его больше слушайте – как же, преступность он искоренит! Сам бандит первостатейный, а еще в мэры лезет!

– Побольше уважения к несчастному вдовцу! – ответил ему Зяма. – Ну, чушь порет мужик, так он же не в себе, что вполне можно понять: каково это – найти любимую женщину

в мусорном баке?!

– Погодите, я запуталась, – попросила я. – Так он потерял жену или нашел?

– Ах, Дюша, это кошмарная история! – с завыванием провозгласила из своей комнаты мамуля.

Я пошла на голос: рассказывать кошмарные истории, безусловно, мамулина привилегия – ее ужастиками полстраны зачитывается.

– Жена Казанского вчера после обеда поехала побродить по магазинам, – начала она.

– Ах, ботильоны! – со значением прошептала я.

– Где она там бродила, история умалчивает, но домой дамочка так и не вернулась. Машину нашли в овраге, а ее саму – в мусорном баке, – мамуля сделала огромные глаза. – Голую, мертвую и со следами насилия!

Я содрогнулась.

– По рабочей версии, гражданка Казанская была ограблена, изнасилована и задушена около полуночи, когда возвращалась домой после марафонского шопинга. – Из кухни, вытирая руки полотенчиком, пришел Денис. – Хотя насчет изнасилования есть сомнения. Судмедэксперт полагает, что сексуальный контакт случился существенно раньше, чем убийство.

– То есть Лолочка не только по магазинам ходила? – смекнул Зяма. – Да, есть занятия более увлекательные, чем шопинг. Как говорится, некоторые любят погорячее.

– Ботильоны просят огня, – сострила я.

А мама и бабушка дружно спросили:

– Лолочка?!

– Спокойно, это был не я! – Зяма поспешно открестился кроличьей ножкой. – Я лично с Лолой Казанской знакомство не водил, хотя и видел ее пару раз на богемных тусовках. Роскошная была мадам – супермодельная блондинка, таких поискать!

– Ну, нам за этим далеко ходить не надо! – сказал Кулебякин, по-хозяйски обняв и чмокнув меня в щеку.

Я не стала благодарить его за добрые слова: это был не комплимент, а простая констатация факта. Я действительно высока, стройна и бела, в смысле белокура (то есть была белокурой до утреннего контакта с красной бурдой). Меня взволновали другие слова Дениса.

– А он правда бандит? – спросила я, кивнув на злую морду в телевизоре.

– Еще какой! Настоящий мафиози, – подтвердил Кулебякин. – И вообще бешеный тип.

– Какой ужас! – всплеснула руками бабуля. – Надеюсь, на выборах победит другой кандидат! Как его? Виталий Голиков?

– Василий Витальевич Голиков, – поправил папуля – бывший полковник, уважающий во всем военную точность.

– Василий Витальевич Голиков, он же Гольш, он же Голый Вассер, – речитативом затянул Денис. – В прошлом бан-

дитский генерал, ныне крупный бизнесмен, владелец сети автосалонов, ремонтных мастерских, заправочных станций, платных стоянок и предприятия по утилизации устаревшего колесного транспорта. Кандидат в мэры. Заклятый враг Альберта Семеновича Казанского, тоже бандита и кандидата.

– То есть, кого бы мы ни выбрали, нашим новым мэром станет бандит?! – искренне огорчилась бабуля.

– Да вы не расстраивайтесь так, Катерина Максимовна! – утешил ее Кулебякин. – Тут есть один большой плюс: после выборов у нас в городе будет на пару топ-бандитов меньше! Тот, который победит, станет законопослушным, а второй трудами первого быстренько сыграет в ящик!

– Интересный хеппи-энд, – задумалась мамуля.

– Я оптимист и верю в наше светлое будущее, – похвалился Денис.

А потом нелогично отругал меня за то, что я брожу по городу, где полным-полно бандитов, с выключенным мобильником, и во избежание повторения страшной судьбы Лолы Казанской строго-настрого запретил в одиночку ходить по магазинам, оврагам и мусоркам.

Потом милый, гремя судочками, убежал на работу, а я неторопливо пообедала и хотела завалиться поспать до ужина, но задержалась у зеркала. Крутилась так и сяк, пытаюсь определить, пошло ли апельсиновое золочение на пользу моей неземной красоте, и вдруг замерла в полуобороте, как будто меня заклинило. Я наконец вспомнила Витьку Гасовско-

го! Он блистал в нашем КВН с номером «Зеркало»: стоял в пустой раме и талантливо изображал отражение другого парня. Кстати, партнером Гасовского по этому номеру был мой неверный поклонник Максим Смеловский.

Я вспомнила, какие уморительные гримасы корчила эта парочка сценических идиотов, разулыбалась, а потом... Потом мне стало несмешно. Я отчетливо поняла, что обязательно должна разыскать Смеловского.

Было около пяти часов вечера, когда я приехала к нему домой. Дверь открыла Ольга Павловна, мама Макса.

– Ой, Инночка, доченька, это ты! Как я рада! – Несостоявшаяся свекровь всплеснула пухлыми ручками и потянулась меня поцеловать, а потом выглянула на лестничную площадку. – А Максик где же?

– Не знаю, я его не видела, – в десятый раз за день повторила я.

– А я думала, он с тобой! – Ольга Павловна заметно расстроилась. – Вы позавчера разве не вместе катались?

– Где катались? – машинально спросила я.

Последний раз мы со Смеловским вместе катались в прицепе трактора на сборе картошки. Во взрослой жизни Макс иногда случалось подвозить меня на своем автомобиле, но в последнее время и таких катаний у нас не случалось.

– Тут, – Ольга Павловна качнула шиньоном в сторону кухонного окна. – Максик забежал домой переодеться и бутылочку взять, а в машине его девушка ждала, блондиночка

кудрявая. Я думала, это ты...

– Нет, не я. А вы с позавчерашнего дня сына не видели?

– Так я, деточка, вчера на дачу уезжала, там и ночевала. Сегодня вот вернулась, борщик зеленый из свежего щавеля сварила, стала звонить Максимушке, а он трубку не берет.

Ольга Павловна пригорюнилась, а я призадумалась. Бутылочка и блондиночка в сумме давали однозначный результат: Максу надоело дожидаться, когда я отвечу ему взаимностью, и он нашел более отзывчивую подругу. Вот только мне казалось, что одна бутылочка не должна была превратить здорового молодого мужчину в то жалкое создание, которым вчера злорадно любовался весь телевизионный люд.

– Ольга Павловна, а Максим по-прежнему только виски пьет? – спросила я.

– Только виски, и только «Баллантайн»! – убежденно кивнула мать привередливого выпивохи. – И покупает его по-прежнему только у Вольдемара.

– Что за Вольдемар? – я запоздало заинтересовалась личностью Максимкиного поставщика.

– Вообще-то он Вова, Вова Рыжков, это магазин так называется – «У Вольдемара», – объяснила она. – Вова торгует товарами из Франции, у него прямые поставки, все от производителя, качество гарантированное, подделок нет.

– Шотландский виски от французского производителя? – усомнилась я. – Ладно, не суть важно. Где магазин этого Вовы-Вольдемара, далеко отсюда?

– Совсем рядом! Два квартала вперед по улице, ты увидишь – там вывеска с Эйфелевой башней.

Эйфелева башня на вывеске магазина «У Вольдемара» покосилась и стала подозрительно похожа на Пизанскую, так что мои сомнения в аутентичности предлагаемых товаров вообще и виски в частности только усилились. Правда, сам Вова-Вольдемар произвел приятное впечатление – в первую очередь своей общительностью. Достаточно было задать ему главный вопрос современности: «Вы не видели Максима Смеловского?» – чтобы получить в ответ море информации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.